

Научная статья

УДК 128

doi: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-42-48

ПРОБЛЕМА ПРЕКРАЩЕНИЯ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Елена Викторовна Чернышева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, scify@rambler.ru, 0000-0001-7397-5712

Аннотация. Тема смерти является одним из главных вызовов для философов всех времён и народов. В статье рассматриваются попытки философского преодоления неумолимого характера смерти и поиска психологических механизмов защиты человека от неизбежного финала. Предпринята попытка разделить философов, рассматривающих тему смерти, на два основных направления — натуралистическое и спиритуалистическое. Ещё один вариант отношения к смерти — идея бессмертия в творчестве философов. Можно отметить ограниченность философии, когда она сталкивается с проблемой смерти. Только религия или религиозная философия способны открыть дверь надежде, представляя смерть не как абсолютный конец, но как переход в другую реальность, в бессмертие или в жизнь вечную. Осознание смерти поможет придать смысл существованию человека.

Ключевые слова: смерть, отношение к смерти, страх смерти, проблемы долголетия и физического бессмертия, христианское мировоззрение, экзистенциализм

Для цитирования: Чернышева Е. В. Проблема прекращения земной жизни в философском измерении // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 42–48. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-42-48.

Original article

THE PROBLEM OF THE TERMINATION OF EARTHLY LIFE IN THE PHILOSOPHICAL DIMENSION

Elena V. Chernysheva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, scify@rambler.ru, 0000-0001-7397-5712

Abstract. The problem of death is one of the main challenges for philosophers of all times and nations. The article examines attempts to philosophically overcome the inexorable nature of death and search for psychological mechanisms to protect the human being from the inevitable ending. An attempt has been made to divide philosophers considering the topic of death into two main directions — naturalistic and spiritualistic one. Another variant of the attitude towards death is the idea of immortality in the works of philosophers. The limitations of philosophy when it is faced with the problem of death are noted. Only religion or religious philosophy can open the door to hope, presenting death not as an absolute end, but as a transition to another reality, to immortality or eternal life. Awareness of death will help give meaning to the human existence.

Keywords: death, attitude towards death, fear of death, problems of longevity and physical immortality, Christian worldview, existentialism

For citation: Chernysheva EV. The Problem of the Termination of Earthly Life in the Philosophical Dimension. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(4(486):42-48. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-42-48.

Актуальность

В качестве философской темы смерть всегда была одним из главных вызовов для философов. Не только из-за непостижимого характера

этой последней границы, в отношении которой мы абсолютно лишены эмпирического знания, но также и потому, что она является ускользающей для понимающего разума реальностью. Может быть, именно отсутствие объясняющих эту тему аргументов помогает понять, почему к ней

так часто обращалась литература всех времён и народов.

Если бы смерть человека сводилась исключительно к биологической проблеме, то она, возможно, была бы решена ещё две с лишним тысячи лет назад греческим философом Эпикуром (341–270 гг. до н. э.). Именно у него проблема отношения человека к смерти выступила «основным вопросом философии». Эпикуру принадлежит знаменитое наставление о том, как человек должен относиться к смерти. Чтобы успокоить своих сограждан, он говорил, что абсурдно бояться смерти, поскольку, пока она не наступила, мы её не испытываем, а когда она пришла — уже не ощущаем [7, с. 156].

Все мировые религии, тем или иным образом, понимали смерть как переход в новую жизнь, предлагая человеку утешение и надежду ввиду самой неумолимой и жёсткой реальности его существования — смерти. Мы прекращаем существовать — это факт, но разум отказывается принять его по доброй воле, потому что наша биологическая природа и чувства ориентированы на жизнь.

Жизнь и смерть как неразлучные реальности, поиск физического бессмертия

Известный испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), проанализировавший культурный кризис Европы, «утратившей свою нравственность» и связь с прошлым, что было предопределено изменением роли масс в обществе и их «разнузданным бунтом», высказался о смерти так: «Я не думаю, что в человеческой жизни есть абсолютные проблемы. Единственное, что абсолютно — это смерть, и поэтому она является не проблемой, а фатальностью» [10, с. 237].

Этот фатальный и неумолимый характер смерти вызвал появление множества ответов, не столько освещающих её логическую сторону, сколько ищущих психологические механизмы защиты для человека, поскольку страх смерти — это не просто философская проблема, требующая интеллектуальных усилий для своего разрешения, но и неизбывное предчувствие возможных страданий, предшествующих самому наступлению смерти. Очевидно, именно поэтому многие философы предлагают в своих исследованиях терапевтический выход из проблемы, которая сама по себе не имеет, на наш взгляд, никакого решения. Сам факт её философского осмысления создаёт ложное ощущение, что мы имеем над ней

власть, каким-то образом владеем ей, тогда как на самом деле она максимально владеет нами.

Испанский философ Доминго Гарсия-Сабель, чьи труды, к сожалению, недостаточно известны в России, в работе «Прогулка вокруг смерти» выделил два способа борьбы современного человека со смертью: откладывание и принятие [1, р. 15]. Первый состоит в том, чтобы технически бороться с ней, опережая её в оперативности, ограничивать её воздействие, пока это будет возможно, раздвигать границы, установленные истощением жизни.

Здесь стоит заметить, что проблемы долголетия, долгожительства и физического бессмертия особо остро волнуют умы правящей элиты сегодняшней России. Предпринимаются попытки создания лекарств, соответствующих индивидуальному геному, масштабно финансируются генетические разработки с целью заполучить «вакцину бессмертия» и «таблетки от старости», способные пролонгировать жизнь «элитного человека» до ста двадцати лет и больше [8; 12]. В феврале 2024 г. в Москве прошёл масштабный форум, посвящённый генетическим и геномным технологиям в «диагностике и персонализации». Одной из ключевых стала тема разработок в области индивидуальной генетической терапии, очевидно, для избранных [4; 11].

Однако такой подход к смерти несостоятелен, если разделять христианское мировоззрение, — утверждает в своей работе Доминго Гарсия-Сабель, с чем невозможно не согласиться. Дело в том, что, с точки зрения религии, наша судьба заранее предопределена и известна Богу задолго до того, как мы придём в этот мир. Ни на минуту, читаем в Новом Завете, мы не можем продлить свою жизнь («Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?»). Это является несомненным доказательством нашей малости перед Божиим всемогуществом. Христос также говорит, что необходимо бодрствовать и быть внимательными, ведь мы не знаем ни дня, ни часа [5, 6:27].

Второй вариант отношения к смерти, по мнению Доминго Гарсия-Сабеля — это её принятие. По мнению философа, он более разумен, но абсолютно утопичен. Поскольку никто не может рационально принять смерть, потому что смерть нерациональна. Впрочем, не думаю, пишет Гарсия-Сабель, чтобы кто-нибудь стоически вручил бы себя смерти, следуя аргументам разума, за исключением особенных случаев, обусловленных причинами патриотического порядка, героизмом на войне или защитой близких людей [1, р. 37–38].

Ключевые направления в трактовке темы смерти: натурализм, спиритуализм, мистицизм, экзистенциализм

Список авторов, рассматривавших тему смерти с философской точки зрения, очень велик, но ведущие направления в ней можно разделить на две основные группы, что связано с самой концепцией человека у каждого из них. Это натуралистическое и спиритуалистическое направления. Для представителей первого направления жизнь представляет собой биофизиологическую реальность, которая заканчивается со смертью для каждого живого организма. Человек составляет часть естественного порядка и, как и все живые существа, умирает. Смерть не более чем природное явление, следовательно, все домыслы о возможности продолжения жизни, бессмертия по ту сторону законов природы не имеют смысла. Смерть оказывается лишена таинственности и загадки и превращается в биохимический процесс деградации организма, который возвращается к простейшим элементам, в своё время образовавшим его структуру как живого существа. Если смотреть с такой позиции, смерть теряет таинственность.

Однако в рамках данного подхода человек всё же остаётся неудовлетворённым, на наш взгляд. И в жизни, и в смерти мы ищем чего-то большего, чем одна биология. Возможно, мы угадываем, различаем духовную составляющую себя самих, зовущую на поиски нового, более широкого измерения жизни и смерти. Есть смутный набор предчувствий, не всегда рациональных, вдохновляющих нас мечтать о бессмертии, о возможности выйти за пределы материальной укоренённости жизни. Это дверь в следующий лагерь: в спиритуализм.

Спиритуалист принимает возможность перейти границу смерти. Идейное основание такого подхода, согласно трактовке современного испанского учёного, представителя философской герменевтики и ученика Поля Рикера, Ахиса Вильяверде, держится на дуализме европейской философской традиции, которая определяет человека как существо, состоящее из тела и души. А. Вильяверде поясняет, что концепция эта родилась в классической греческой философии, была христианизирована средневековыми мыслителями и перешла в современную философию [2, с. 48–49]. Для представителей этого направления человек переходит пределы телесного, материального, поскольку его душа нематериальна и бессмертна. Эта антропологическая концепция

ведёт к пониманию смерти, противоположному натуралистической позиции, и тем или иным образом вплотную подходит, если не отождествляется с ней, к религиозной перспективе. После смерти человек, освобождённый от телесности, возвращает свою настоящую сущность и трансцендентность. Духовные ценности, которые характеризовали его как человеческую личность, обретают полноту, когда душа освобождается из темницы тела и пространственно-временных привязок. Но это дуалистическое представление о человеке не помогает избежать драмы смерти, которая является травматическим разделением единства тела и души.

Между этими точками зрения в философии имеется промежуточная позиция. В европейском интеллектуальном сообществе есть авторы, которые, принимая натурализм, претендуют на то, чтобы утверждать, что жизнь для человека не кончается после его смерти. По мнению этих авторов, малочисленных, но имеющих определённый вес в философии, след, оставляемый человеком в этом мире, не исчезает после его ухода в мир иной. В качестве примера можно привести сочинения бельгийского драматурга и философа, лауреата Нобелевской премии по литературе за 1911 г. Мориса Метерлинка (1862–1949 гг.). Мотив смерти присутствовал во многих его произведениях, а в позднем творчестве обнаружился интерес к мистицизму и оккультизму.

В философском эссе «Смерть», написанном в 1913 г., Морис Метерлинк отвергает как религиозный подход к проблеме смерти, так и полное исчезновение психической личности. Он открывает тончайший зазор между этими двумя позициями, выступая за непреходящее существование эволюционирующего сознания, которое трансформируется по ходу изменений, происходящих с человеком, даже после смерти. Индивидуальное сознание продолжает изменяться после исчезновения индивида, стремясь к общему бесконечному становлению. Таким образом, наше трансцендентное развитие бесконечно, — утверждал автор [9, с. 12].

Столь же оптимистично защищал свою веру в человеческое бессмертие и видный испанский философ-экзистенциалист, общественный деятель, драматург первой половины XX в. Мигель де Унамуно (1864–1936 гг.). Основной его философский труд — книга «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (1913). Агонический экзистенциализм автора по отношению к религиозной трансцендентности не помешал М. Уна-

муно говорить о бессмертии человеческой души. Сама идея бессмертия стала ключевой в его творчестве. Речь у него не идёт о воскресении душ, подобном тому, что утверждает христианское учение, но о том, чтобы оставить после себя нестираемый след в мире, в том числе своими трудами [5, с. 348].

Лучший аргумент для защиты своего тезиса М. Унамуно находил в извечной человеческой жажде бессмертия и в ужасе перед небытием. Хотя такая потребность в бессмертии является одновременно и убеждением, и сомнением, бросающим вызов логике. «Мне необходимо, — писал Мигель де Унамуно, — бессмертие моей души; мне нужно, чтобы уцелело моё индивидуальное сознание; без него, без веры в него я не могу жить, а сомнение, неверие в то, что это достижимо, меня терзает. И поскольку оно мне необходимо, это страдание заставляет меня утверждать его существование, причём утверждать необоснованно, и когда я пытаюсь заставить других поверить в него и себя самого заставить поверить, я посягаю на логику и использую аргументы, которые считаются надуманными и парадоксальными у бедных бесстрастных людей, смирившихся с идеей полного своего растворения» [5, с. 347–349].

По утверждению российского литературоведа М. В. Устиновой, Мигель де Унамуно положил начало исповедальному жанру в испанской беллетристике, поскольку «из-за гордого нрава испанцев таковой там долго отсутствовала. Философ видел в исповеди социальное лекарство, путь к духовному преображению испанского народа» [13, с. 130].

В европейской философии именно экзистенциалисты наиболее настойчиво углублялись в проблему смерти и жажды человеком бессмертия. В одних случаях они сочетали философию с религией, чтобы выйти за пределы конечности человека и открыть двери надежде. В качестве примера можно привести творчество датского теолога и мыслителя Сёрена Кьеркегора (1813–1855) и французского философа и драматурга Габриэля Марселя (1889–1973). В других случаях — предлагали секуляризованную версию религиозной мысли, принадлежащей христианской традиции. Среди последних особо выделяется немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (1889–1976).

Для Мартина Хайдеггера истинная экзистенция (существование) связана с представлением о человеке как о «существе относительно смерти». Смерть является постоянной вероятностью,

от которой человек не может убежать, в связи с чем философ даёт ей парадоксальное определение: возможность невозможности любого проекта и любого существования. Смертью обоснована историчность нашего существования, поэтому жить относительно смерти составляет истинный смысл экзистенции. В противоположность этой реальности бытие относительно смерти по сути является тоской, поскольку оно ставит человека перед небытием, перед бессмысленностью всех человеческих проектов и самого существования. Смерть сохраняет ореол таинственности и неизвестности, к которому влечётся наше человеческое любопытство [14, с. 120–122].

Можно утверждать, что такой «тоскующий экзистенциализм» Хайдеггера в своих представлениях о смерти делает очевидной предельность философии по отношению к возможности предложить человеку обнадёживающую или, если можно так сказать, живительную картину, необходимую, чтобы продолжать жить. Философия рациональна, даже философский иррационализм строится на умозаключениях. Смерть же, наоборот, иррациональна. Отсюда и проистекает предельность философии, когда она сталкивается с проблемой смерти. Только религия или религиозная философия способны, на наш взгляд, открыть дверь надежде, представляя смерть не как абсолютный конец, но как переход в другую реальность, в бессмертие или в жизнь вечную. В таком понимании смерть является путём, хотя и болезненным, но обеспечивающим доступ к вечности. Не абсолютный конец, а, скорее, реализацию плана, ведущего в вечную жизнь. Так, например, это выразил немецкий католический теолог и философ Карл Ранер (1904–1984) в своей работе «Теологическое значение смерти»: смерть — не только конец, но исполнение личного пути, ведущего нас к цельности [6].

Философия и религия предлагают два маршрута: путь разума, который анализирует и ищет смысл в бессмысленном; и путь веры, обещающий будущее, не принадлежащее этому миру. Какой из двух путей мы выберем? Очевидно, что речь идёт о вопросе, на который каждый должен дать собственный, личный ответ. Многие философы делились своими сомнениями, вопросами, надеждами и тревогами по отношению к смерти. Другие предпочитали не драматизировать этот вопрос, предлагая рецепты и лекарства, чтобы снизить серьёзность на самом деле тяжёлой темы, перед которой все равны, согласно народной поговорке.

Проживание смерти как опыт повседневности

Мы умираем каждый день — это биологически доказанный факт. Одряхление взрослого организма,двигающегося к старости, эквивалентно медленной смерти. Вот первый довод, входящий в противоречие с эпикурейским аргументом о том, что не существует личного ощущения смерти. Естественно, человек знал об этом процессе одряхления жизни с самых истоков цивилизации и ещё в те дальние доисторические времена мечтал о возможности преодолеть пределы смерти. Архаические мифы самых разных культур говорят нам о восхищении первобытного человека перед естественными циклами растений с характерной для них постоянной регенерацией, перед фазами Луны, в которых он находил параллели с человеческой жизнью. Как и мы сами, Луна рождалась, росла, уменьшалась и умирала. Этот процесс продолжался бесконечно, задавая ритм жизни и смене времён года. Сегодня мы знаем, что жизнь — это сложный процесс, которому свойственно иссякать, но ни одна наука не смогла открыть дверь в трансцендентность.

Так же умирают наши мечты, проекты юности, рождённые из утопических представлений. Человеческий дух должен показать несокрушимую веру в жизнь и создать новые проекты, которые помогут нам двигаться дальше. Цели, которые постепенно будут становиться всё менее утопичными, чтобы соответствовать реальности и доставшемуся нам миру. Только люди с твёрдой верой смогут быть выше превратностей, скрывающихся за каждым перекрёстком. Герои, способные преобразовать мир, по которому остальные просто проходят. Они тоже умрут, но сделают это с внутренним удовлетворением, а возможно, и сопровождаемые общественным признанием за то, что реализовали проект.

Кто-то мог бы парировать, и не без оснований, что эти два опыта смерти настолько тонки и легки, что часто проходят незамеченными. Погружённые в искусственность повседневной жизни, мы предпочитаем не думать. Мы откладываем на неопределённое завтра вопросы, связанные со смыслом жизни и с её развязкой. И, тем не менее, смерть внушает нам ужас, а это признак того, что все мы, в противовес мнению некоторых философов, имеем несомненный и травматический её опыт. Какой же? Без сомнения, это проживание самой смерти через смерть другого, близкого, кого мы любили, кто был частью нашей собственной биографии, делил с нами жизнь — и неожиданно делит также и смерть. Смерть другого —

это зеркало, в котором мы видим своё отражение с такой ясностью и интенсивностью, что умираем сами. В этот момент, всегда неожиданный и драматичный, мы теряем наивность, детское восприятие реальности и самих себя. Знание и опыт смерти заставляют нас расти, вводя нас через этот трагичный, мрачный ритуал во взрослую жизнь. Мы уже никогда не будем прежними. Новое видение космоса достигает такой силы тяжести, от которой нам вряд ли удастся уклониться. А в сознании навсегда оставят свой след ностальгия и память, каждая в равной степени.

Потом жизнь, этот бесконечный бег с препятствиями, ведущий к смерти, захватит нас, как вихрь из опавшей листвы. Мы живём во времена, воплотившие одну из мыслей французского мыслителя и учёного Блеза Паскаля (1623–1662): раз невозможно избавиться от смерти, люди договорились не думать о ней, чтобы быть счастливыми. Пытаясь обмануть смерть, мы обманываем самих себя. Мы не говорим о ней, замалчиваем традиционные механизмы социализации, а боли и трауру отводим самый укромный уголок личного пространства. Мы продолжаем её бояться, а также бояться боли, предвещающей её, но подавляем в себе эти чувства. Также мы подавляем проявление грусти на людях. Похвалят уже не того, кто плачет, кричит или вздыхает о потере любимого человека, но того, кто владеет собой настолько, что кажется — он тут ни при чём. Потом это вынужденное самообладание, когда на самом деле сердце что-то чувствует, оборачивается психологической травмой. Но мы хотя бы уже выполнили свой долг, и покойный уходит через заднюю дверь, чтобы не беспокоить общество, принявшее в качестве решения проблемы полную временную слепоту.

В этом, как и во многих других делах, мы отдаёмся всё той же неподлинности. Мы не знаем, не по злобе, а из-за нехватки времени для размышлений, что осознание смерти может помочь придать смысл нашему существованию. Иметь в виду присутствие собственной смерти, ясно осознавать, что мы не бессмертны, поможет нам установить в жизни подлинную шкалу ценностей, отличить важные вещи от мелочей, на которые не стоит тратить время — сокровище, поровну распределённое между людьми, но используемое не в равной мере. Только сознание собственной смерти, героическая способность постоянно видеть её на горизонте нашей жизни может придать смысл нашей биографии. Безусловно, это непростая задача, потому что осозна-

ние нашей конечности огорчает нас, окрашивает тревогой и тоской человеческое становление. Так что, имея перед собой эту решающую дилемму о необходимости строить свою биографию исходя из уверенности в физическом исчезновении, мы ищем выход, чтобы придать смысл ограниченному существованию, которое выпало нам на долю. Выход вовсе не единственный, варьирующийся от индивида к индивиду. Одни будут мечтать о вечной жизни, проповедуемой разными религиями; другие — о бессмертии в своих трудах, считая, что оставляемые нами следы и будут свидетельствовать о пройденном пути. Найдутся и те, кто будет хвататься за жизнь, стараясь проживать каждую секунду, как будто она последняя, приверженцы формулы *carpe diem* (лат. «наслаждайся моментом»), или «будь счастлив в эту секунду») как единственной философии; другие будут жить, словно они бессмертны, поскольку предпочитают не думать; и найдутся даже такие, кто сделает из смерти стратегию, чтобы строить жизнь со смыслом, прогрессивно и свободно.

Заключение

Признаюсь, что испытываю человеческое любопытство к теме смерти, однако, понимая свою ограниченность, я отказываюсь от поисков окончательного ответа. Но не откажусь рассматривать этот вопрос как настоящую проблему. Практика

жизни подсказывает, что та проблема, которая не имеет решения, таковой и не является. В этом случае вызов столь серьёзен, что каждый человек в какой-то момент своего существования оказывается вынужденным размышлять над ним. Отсюда и необходимость интеллектуального усилия для осмысления смерти в её пределах, ведь мы вынуждены с ней сосуществовать.

Смерть пробудила философские размышления не только потому, что она открывает нам двери тайны, но и потому, что она ставит нас перед настоящими вызовами быстротечного существования. Очевидность физического угасания индивида побуждает к размышлению о самой жизни, о способе реализовать её во всей полноте и о возможности счастья, главной цели человеческих и философских устремлений всех времён. Тайна смерти есть тайна самой философии, рождённой, чтобы дать ответ на вопросы, где сущее существует и не существует. И, конечно, никакая другая реальность так не давит на существование и разум, как реальность небытия. В таком парадоксе заключается непостижимая притягательность этой тайны: смерть есть небытие. Вызов, приводящий не только к онтологическому утверждению экзистенции, но и к этическому утверждению смысла жизни, которая заслуживает права называться таковой.

Список источников

1. Sabell D. G. El paseo alrededor de la muerte. Editorial Galaxia, 1999. 155 p.
2. Вильяверде М. А. Путники: философия странствий; Интеллектуальная биография / пер. с исп. М. А. Толстой. М. ; Рязань : П. А. Трибунский, 2012. 208 с.
3. Багно В. Е. Зеркало загадок: от Рамона Льюля до Хулио Кортасара : пер. с исп. и каталан. М. : Центр книги Рудомино : Инфинитив, 2016. 430 с.
4. Генетические и геномные технологии: новые возможности в диагностике и персонализации. Форум будущих технологий. Москва, 13–14 февраля 2024. URL: <https://roscongress.org/sessions/fbt-2024-geneticheskie-i-genomnye-tekhnologii-novye-vozmozhnosti-v-diagnostike-i-personalizatsii/translation/>
5. Евангелие от Матфея.
6. Ранер К. Основание веры: введение в христианское богословие / пер. с нем. В. Витковского. М. : Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2006. 633 с.
7. Материалисты древней Греции : собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. с. 5–38, проф. М. А. Дынника ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. М. : Госполитиздат, 1955. 239 с.
8. Мельников М. Кому родиться, будут выбирать?: В России начали создавать генетическую базу данных. URL: https://ural.tsargrad.tv/articles/komu-roditsja-budut-vybirat-v-rossii-nachali-sozdavat-geneticheskiju-bazu-dannyh_260358 (дата обращения 11.02.2024)
9. Метерлинк М. Смерть / Морис Метерлинк ; авториз. пер. И. Арденина; обл. работы худож. С. Маклецова. СПб. : тип. М. Г. Корнфельда, 1914. 163 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост., предисл и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь мир, 1997. 700 с.
11. Программка форума будущих технологий 2024. URL: <https://future-forum.tech/programme/business-programme>
12. Пряников П. Для олигархов — бессмертие, для народа — таблетки счастья. Лаборатории рос-

сийских миллиардеров ищут способы изменения природы человека. URL: <https://svpressa.ru/society/article/33091/> (дата обращения 11.02.2024)

13. Устинова И. В. Мигель де Унамуно глазами русского читателя // Лесной вестник. Литературоведение. 1999. № 3. С. 130–135.

14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. 4-е изд., испр. М.: Академический Проект, 2013. 447 с.

References

1. Sabell DG. El paseo alrededor de la muerte. Editorial Galaxia, 1999. 155 p.
2. Vilyaverde M. A. Putniki: Filosofiya stranstvij; Intellektual'naya biografiya [Philosophy of Wandering; Intellectual biography]. Translation from Spanish by M. A. Tolstoj. Moscow, 2012. 208 p. (In Russ.).
3. Bagno VE. Zerkalo zagadok: ot Ramona L'yulya do Hulio Kortasara: translations from Spanish and Catalan. Moscow; 2016. 430 p. (In Russ.).
4. Geneticheskie i genomnye tekhnologii: novye vozmozhnosti v diagnostike i personalizacii [Genetic and genomic technologies: new opportunities in diagnostics and personalization]. Forum budushchih tekhnologij. Moscow, 13–14 february 2024. Available from: <https://roscongress.org/sessions/fbt-2024-geneticheskie-i-genomnye-tekhnologii-novye-vozmozhnosti-v-diagnostike-i-personalizatsii/translation/> (accessed 08.02.2024) (In Russ.).
5. Evangelie ot Matfeya [Gospel of Matthew]. (In Russ.).
6. Raner K. Osnovanie very: vvedenie v hristianskoe bogoslovie [Foundation of Faith: An Introduction to Christian Theology]; translation from German by Vadim Vitkovskij. Moscow; 2006. 633 p. (In Russ.).
7. Materialisty drevnej Grecii: Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura. Moscow; 1955. 239 p. (In Russ.).
8. Mel'nikov M. Komu rodit'sya, budut vybirat'? : V Rossii nachali sozdavat' geneticheskuyu bazu dannyh [Who will be born will be chosen?: A genetic database has begun to be created in Russia]. Available from: https://ural.tsargrad.tv/articles/komu-roditsja-budut-vybirat-v-rossii-nachali-sozdavat-geneticheskuyu-bazu-dannyh_260358 (accessed 11.02.2024) (In Russ.).
9. Meterlink M. Smert' [Death]; Authorized translation by I. Ardenina, Cover by S. Maklecov. St. Petersburg. 163 p. (In Russ.).
10. Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy. Moscow; 1997. 700 p. (In Russ.).
11. Programmka foruma budushchih tekhnologij 2024 [Program for the Forum of Future Technologies 2024]. Available from: <https://future-forum.tech/programme/business-programme/> (accessed 09.02.2024) (In Russ.).
12. Pryanikov P. Dlya oligarhov — bessmertie, dlya naroda — tabletki schast'ya. Laboratorii rossijskih milliarderov ishchut sposoby izmeneniya prirody cheloveka [For the oligarchs — immortality, for the people — happiness pills. Laboratories of Russian billionaires are looking for ways to change human nature]. Available from: <https://svpressa.ru/society/article/33091/> (accessed 11.02.2024) (In Russ.).
13. Ustinova IV. Migel' de Unamuno glazami russkogo chitatelya [Miguel de Unamuno through the eyes of a Russian reader]. *Lesnoj Vestnik. Literaturovedenie*. 1999;(3):130-135. (In Russ.).
14. Hajdegger M. Bytie i vremena [Being and time]. Moscow; 2013. 447 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Чернышева — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии факультета Евразии и Востока.

Information about the author

E. V. Chernysheva — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies, Political Science and Eastern Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 28.04.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.